

САНДРА БРАУН

ДЕМОН СТРАСТИ

Сандра Браун
Демон страсти

1987

Браун С.

Демон страсти / С. Браун — 1987

Голливудскому актеру Рэйлану Норту предложили сыграть реального человека – знаменитого каскадера Демона Рамма, трагически погибшего на съемках. Во время работы над ролью Рэйлан встретил Кирстен, вдову Демона, – и понял, что не остановится ни перед чем, чтобы доказать печальной красавице, что сердце ее не похоронено вместе с мужем... Книга также издавалась как «Вдова Демона».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сандра Браун

Демон страсти

Глава 1

Он не знал, что эта женщина носит очки, пока она не вскинула голову на звук его голоса. Она резко сняла их и вместе с ручкой уронила на кипу рукописных страниц, лежащую на широком столе, инкрустированном в стиле времен королевы Анны.

– Вы напугали меня, мистер Норт.

– Извините. На самом деле я совершенно безобиден.

В обстановке непорочной чистоты этой комнаты он чувствовал себя чудовищем, которого татуированной грудью вскормил ангел ада. Надменное выражение ее лица говорило Норту: «Ты здесь чужой». Скрыв улыбку, он невозмутимо бросил на пол холщовый рюкзак и снял солнцезащитные очки.

– Я стучал, но никто не ответил.

– Может быть, стоило попробовать позвонить?

«А она здорово разозлилась, ставлю сто фунтов... это добродушное замечание... очень раздраженной девчонки. И колючей девчонки. Неужели первые неприятные мгновения зададут тон нашим отношениям на три-четыре недели? Ну уж нет, я что-нибудь придумаю», – подумал Рэйлан и с довольно развязным видом прислонился к косяку.

– Может, попробовать войти еще раз? – Его обычно плотно сомкнутые губы растянулись в многозначительную улыбку, такую же известную, как и его наглые манеры. – Видимо, чувство такта мне изменило.

– Видимо. Но вы уже вошли. – Хозяйка дома не улыбнулась.

– Верно.

Женщина поднялась, и, только когда вышла на террасу, Рэйлан увидел ее босые ноги. Она поймала взгляд Рэйлана, но даже не подумала объясниться, и не пожала смущенно плечами, и не извинилась, как это сделала бы любая женщина, которую застали врасплох, не совсем одетой.

Выражение ее маленького лица словно говорило: «Если вам не нравятся мои босые ноги, тем хуже для вас».

Этой странной женщине было совершенно неинтересно даже то, что в действительности Рэйлану нравились ее босые ноги. Очень. Да, пока ему нравилось все: от блестящих темных волос до этих десяти соблазнительных пальчиков на ногах. Белые джинсы плотно облегли ее бедра. А в белой сорочке, которая была размера на три больше, женщина выглядела куда сексуальнее, чем в обтягивающей майке. Просторные рукава были закатаны почти до локтей.

Да, мистер Норт, как и в первую встречу, нашел, что миссис Рамм восхитительна.

– Я вас застал за работой?

– Да, я работала.

– Над книгой?

– Да.

– Простите, что помешал. Знаю, как трудно бывает вернуться к прерванной мысли.

– Экономка ушла на рынок, так что я сама покажу вам комнату. – И нетерпеливо отбросила челку со лба. – Где ваши вещи?

Он кивнул на потрепанный рюкзак. Один разошедшийся шов небрежно зашит металлической проволокой. Потертый, весь в царапинах и пятнах, рюкзак был похож на единственного оставшегося в живых ветерана общества бродяг и путешественников.

– Роскошный «Луи Виттон» оставил дома, – не без сарказма протянул он. – А это все, что можно увезти с собой на мотоцикле.

Она посмотрела на приехавшего и его рюкзак с явной антипатией.: Рэйлан хотел засмеяться, но не посмел стал внимательно изучать вид за стеклянной стеной песчаное побережье, омываемое волнами Тихого океана.

– Приехали на мотоцикле из Лос-Анджелеса? – спросила она. – Я думала, вы прилетели.

– Смотря что вы имеете в виду, говоря «прилетели». Калифорнийский дорожный патруль вполне мог бы назвать это полетом. – Гость улыбнулся и сунул руки в задние карманы истертых, дырявых джинсов.

– Потрясающий вид!

– Спасибо. Это одна из причин, по которой мы с Чарли купили дом.

Развернувшись на каблуках ботинок, в которых ни один уважающий себя ковбой, будь он хоть трижды на мели, не выйдет во двор даже по нужде, Рэйлан неожиданно резко оглянулся.

– Чарли? Разве вы не называли его Демон?

– Нет, почти никогда.

– Почему?

– Он был моим мужем, а не кумиром. Выразительные карие глаза под черными, круто, – изогнутыми бровями словно пригвоздили миссис Рамм. Большинство людей были уверены, что пронзительность его взгляда есть иллюзия, которую создают лишь правильно выбранный угол съемки и искусное освещение. На самом деле такой жгучий взгляд был дан Рэйлану от природы, а мимика только подчеркивала необычайную его притягательность.

Рэйлан вовсе не хотел беспокоить ее своим пронзительным взглядом. Он лишь пытался понять, не было ли в словах миссис Рамм скрытого смысла. Наверное, не было. Но возможно и обратное. Ему предстояло разгадать это. Она нервно облизала пересохшие губы, и Рэйлан решил, что интуиция не подвела его и на этот раз.

– Если соблаговолите взять сумку, я покажу вашу комнату.

– Мне нравится эта. – Рэйлану было неприятно, что его хотят поскорее отправить в дальнюю комнату, как непослушного ребенка; он хотел еще и еще смотреть на миссис Рамм.

– Я работаю, мистер Норт, вы мне мешаете.

– Неужели?

И тут понял: она очень не любит, когда ее дразнят, даже губы презрительно скривила. Как далеко он сможет продвинуться, прежде чем этой женщине изменит завидное самообладание? Но не проверять же это сейчас, в первые минуты знакомства.

– Хорошо. Вы работайте, а я, если не возражаете, пойду подышу здешним воздухом.

– Превосходно.

– Вот и отлично. Продолжайте работу, увидимся позже.

Он поднял правую ногу, стащил ботинок и носок, небрежно бросил их на пол. Затем так же лениво снял левый ботинок и носок. Потом, не обращая внимания на вздох крайнего изумления, который вырвался у хозяйки, стянул через голову черную майку. Она полетела на пол вслед за ботинками и носками.

Рэйлан вышел через стеклянную дверь к бассейну и по ступеням, вырубленным в скале, спустился на пляж, размышляя о том, наблюдает ли за ним сейчас хозяйка дома, И готов был поставить на своего следующего «Оскара»: наблюдает. Он с трудом поборол искушение обернуться и удостовериться в этом.

С представительницами прекрасного пола Рэйлан всегда вел себя согласно известному всем имиджу «равнодушного сукина сына». А равнодушные сукины дети никогда серьезно не относятся к женщинам, как бы привлекательны те ни были. Он едва не нарушил этот неписанный закон на прошлой неделе, когда впервые увидел Кирстен Рамм в кабинете адвоката.

* * *

Встреча была назначена по его, Рэйлана, просьбе. В тот момент, когда она вошла, натянутая как струна, с воинственным видом, ему сразу стало ясно: миссис Рамм очень недовольна тем, что ей навязали эту встречу. И только прекрасные глаза выдавали ее ранимость.

Она была в строгом деловом костюме, и это заставило Рэйлана устыдиться. Вчера он лег очень поздно, потому что читал сценарий, делая на полях важные пометки, а проспав утром дольше обычного, не успел побриться и напялил на себя первое, что попало под руку, слаксы и простую шелковую спортивную куртку. Рубашка под курткой была неглаженная и не застегнута до горла. Слава Богу, неряшливый вид сейчас был в моде!

Голова раскалывалась от недосыпа, и пришлось все время быть в темных очках, чтобы скрыть круги под глазами. Без очков он был похож на человека, которому с утра после вечеринки необходимо кое-что принять, дабы облегчить свои страдания.

Рэйлан и его агент были уже на месте. Кирстен Рамм внесла в строгий прохладный кабинет нежный аромат цветов. Не тот аромат, который можно приобрести в шикарных парфюмерных магазинах на Родео-драйв. Нет, аромат, окружавший ее, напомнил Рэйлану запах цветов, только что собранных в бабушкином саду сразу после небольшого дождика.

Даже будь у него и ясная голова в то утро, это бы ему не помогло, потому что, как только Рэйлан увидел эту хрупкую гордую женщину, мысли его мгновенно перепутались.

Он не услышал хруст в колене, агента, вставшего, чтобы представить их друг другу, не обратил внимания на велеречивое приветствие адвоката миссис Рамм. Единственным звуком для Рэйлана в тот момент было еле уловимое восхитительное шуршание шелка на ее бедрах, когда она пересекала комнату.

По всеобщему единодушному мнению, у Рэйлана Норта были манеры павиана. И последнее, чему отдал бы дань сей грубиян, так это правилам хорошего тона. Но в тот день, когда их представляли друг другу, он изменил себе: вскочил с кресла и пожал руку Кирстен Рамм, только ради того чтобы дотронуться до нее. Рэйлану захотелось сжать ее маленькие руки в своих и уверить, что все будет в порядке. Почему-то ему в тот момент показалось, что она нуждается в таком заверении.

А голос! Голос был под стать ей самой: хрупкий, нежный, сексуальный. Казалось, он коснулся его губ как нечто настолько осязаемое, что Рэйлан почувствовал вкус этого голоса, который разбудил в нем мужское начало. Он с трудом опустился в кресло, чувствуя себя морально парализованным.

Она села на стул, предложенный Мэлом. Когда миссис Рамм скрестила ноги, на мгновение под юбкой показался кремовый шелк, обрамленный кружевами светло-шоколадного цвета. Рэйлан был рад, что надел темные очки, которые позволяли ему глядеть тайком на то восхитительное место, где одна нога легла поверх другой. У нее были точенные икры и тонкие щиколотки.

Верхняя часть ее костюма была... Он не знал, как это правильно называется, ну и не важно. Блузка от плеч запахивалась наискосок. Когда она слегка наклонялась, можно было увидеть бюстгальтер, плотно обхвативший грудь, лучистую кожу с загаром, ничуть не напоминавшим цвет пережаренного бифштекса, который нередко приобретали поклонницы южно-калифорнийского солнца. Нитка жемчуга скользнула в небольшую соблазнительную впадинку, уходящую под вырез блузки. Вид серебристых жемчужин, перекатывающихся через линию загара, заморозил его.

Она казалась беспомощной и безвольной, как медуза под жарким солнцем, но это впечатление было обманчивым.

– Почему я здесь? – этим решительным вопросом миссис Рамм вернула ничего не значащий формальный разговор к сути дела.

Создавалось впечатление, будто она почти не замечает его, и это было странно. Норт привык, что женщины всегда прячась на него и всегда в благоговейном безмолвии.

– Я просил вас о встрече, – ответил Рэйлан, – потому что я хочу жить с вами.

Несколько мгновений Кирстен смотрела на него в немом оцепенении. Затем, обратившись к своему адвокату, холодно поинтересовалась:

– Что это все значит, Мэл?

– Мистер Норт хотел сказать, что... он просит вашего позволения приехать и поселиться у вас на некоторое время.

Агент Рэйлана поспешил дополнить объяснение своего клиента:

– Рэйлан считает, что ему очень важно пожить в комнатах Демона Рамма, дабы понять образ жизни мистера Рамма в домашней обстановке, прочувствовать, как день за днем протекала его скрытая от посторонних жизнь.

Взгляд Кирстен блуждал по кабинету и никак не хотел останавливаться на Рэйлане.

Раз уж все равно эта женщина считает, что смотреть на него так неловко, может, ему снять очки?

– Для чего это важно? – спросила она после небольшой паузы.

– Для вживания в образ вашего покойного мужа, – ответил Рэйлан.

– Просьба может показаться вам несколько неучтивой, – начал его агент. – Но если бы вы знали, как работает актер...

– Точно, – вмешался Рэйлан. – И никто не объяснит это миссис Рамм лучше, чем я. Выйдите оба на минутку.

Его агент, хорошо знавший о нежелании своего клиента вежливо излагать просьбы, не замедлил с выполнением этого приказа. Ее адвокат, совершенно потрясенный, позволил себя увести. После их ухода Кирстен переменила ногу и приняла позу, выражающую, по ее мнению, неприступность и бескомпромиссность.

Но Рэйлан упрямо повторил:

– Я хочу пожить в вашем доме. Мистер Норт был очень влиятельным человеком в Голливуде. Стоило ему только мысленно пожелать чего-то, и сразу десятки людей начинали суетиться вокруг него. Но на Кирстен Рамм его надменный тон не произвел решительно никакого впечатления.

– Простите, мистер Норт, это невозможно.

– Почему?

– Я пытаюсь закончить рукопись. Моя книга и сценарий к фильму должны выйти одновременно.

– Я знаю.

– Издатель уже два раза переносил мне срок окончательной сдачи рукописи. Я не могу просить еще об одном одолжении.

– Какое это имеет отношение к моему пребыванию в вашем доме?

Он развалился в кресле, эту позу он мог бы запатентовать как собственное изобретение: руки лежали на обшитых кожей подлокотниках, нога по-ковбойски закинута на ногу. Рэйлан вполне допускал, что его план может провалиться. Но, встретив отказ, лишь утвердился в своем решении добиться задуманного. Почему вдова так сопротивлялась его безобидному желанию? Может, ей есть что скрывать?

– Я не готова сейчас отдать дом в ваше распоряжение, – сказала она. – Мне будет сложно собрать все мои записи, уложить рукопись и...

– Я не прошу вас уезжать из дома.

– Но вы ведь не предполагаете, что мы будем жить там вместе.

Тень улыбки тронула уголки его губ.

– Именно это я и предполагаю. Жить вместе. Как жили вы и мистер Рамм.

Он вытянул вперед ноги, положил их одна на другую, скрестил пальцы на животе, демонстрируя полную беспечность. Никто бы и не подумал, что от волнения сердце его сейчас бешено колотилось. Вот уже сколько лет Рэйлан не ощущал такого возбуждения, какое вызвала у него эта необычная женщина. Как он устал от всех заискивающих рож!

– Не пугайтесь так, миссис Рамм. Нам не обязательно спать в одной постели. – Он посчитал про себя до трех и добавил: – Если, конечно, ваша интимная жизнь не окажется неотъемлемой частью моего вживания в образ вашего мужа.

При этих словах Кирстен вскочила и повернулась к нему спиной. Она рассеянно переставила мраморные фигурки на лакированном столе Мэла, щелкнула зажигалкой и обнаружила, что та не заправлена. Передвинула пепельницу, постучала по ладони ножом для вскрытия конвертов и, опершись о край стола попкой, которую Рэйлану так хотелось погладить, наконец обернулась к нему.

– По-моему, мистер Норт, все это просто дешевый трюк для публики. Мне ваша затея не нравится, и я не собираюсь вам подыгрывать.

– Разве я когда-нибудь делал что-либо на публику?

– Нет, – честно ответила она, уставившись в пол.

Рэйлан никогда не уставал наблюдать и изучать человеческую натуру. Еще ребенком он любил копировать реакции разных людей на те или иные события и отгадывать мотивы их поведения. Слова Кирстен не поддавались никакому объяснению, а выражение ее голубых глаз не соответствовало тому, что произносили ее уста: она говорила одно, но думала другое. Просьба актера была встречена не только с неприязнью, но и со страхом. Почему? Чего она так испугалась? Его?..

– Вы против того, чтобы я играл вашего мужа в фильме, ведь так?

– Да.

Вряд ли кто решился бы ответить ему так правдиво. Рэйлан оценил подобную честность и счел ее достойной уважения.

– Из-за чего именно?

– Мой муж был общительным, открытым, дружелюбным человеком. Он любил своих почитателей, которые вились вокруг него постоянно, мог провести несколько часов кряду, раздавая автографы, чтобы доставить им удовольствие. – Кирстен, бесцельно ходившая по комнате, вдруг остановилась и повернулась к нему. – Вы же, напротив, сторонитесь публики, которая любит вас. Я никогда не слышала, чтобы кто-то назвал вас открытым или щедрым. Нет, о вас говорят совсем противоположное. Вы неуравновешенны и недружелюбны. Вы не... не умеете... даже улыбаться так, как мой муж.

– Может быть, у него было больше причин веселиться и радоваться жизни, чем у меня?

Рэйлан тщательно оглядел ее с ног до головы, отчасти чтобы смутить, отчасти потому, что ему нравилось смотреть на эту женщину. Очень нравилось, черт побери!

– Может быть, вы, миссис Рамм, были причиной, по которой Демону Рамму всегда хотелось улыбаться?

В глазах Кирстен вспыхнули искры негодования от его пошлой лести. Рэйлан не винил ее, по собственному опыту зная, как это унижительно, когда с тобой обращаются, словно с заводной куклой, которая должна развлекать своего хозяина.

– Не поздновато ли вам заботиться о вживании в образ? – Голос ее дрожал как осенний лист. – Я думала, что фильм почти закончен.

– Да, почти. Вы уже видели отснятый материал?

– Нет.

– Но режиссер посылал вам приглашение на просмотр.

– Я не хотела и не хочу смотреть фильм. Столь решительное заявление очень удивило Рэйлана.

– Почему?

– Я была замужем за летчиком-асом, каждое утро уходившим не на безопасную кабинетную службу. Всю жизнь он выполнял фигуры высшего пилотажа. Описывать некоторые подробности, которые я с большим удовольствием передала бы забвению, было довольно мучительно. Я не хочу вновь обращаться к определенным главам моей книги – некоторым событиям его жизни, воссозданным в картине.

Рэйлану хотелось еще о многом ее расспросить, но он решил отложить вопросы до более подходящего случая.

– К вашему сведению, и продюсер, и режиссер до сих пор более чем довольны моей работой. Они считают, что мне удалось «схватить» улыбку Демона и создать образ, хорошо знакомый публике.

– Поздравляю. Так чего же вы теперь беспокоились о вживании в образ?

– Я же сказал «знакомый публике», миссис Рамм.

Рэйлан встал рядом с ней у окна, из которого открывался прекрасный вид на залив Сан-Диего, – Я смотрел документальные кадры, читал все интервью, собрал всю доступную информацию о вашем покойном муже. О да, я уверен, что точно ухватил его известный всем имидж. Но каким он был вне света прожекторов? В личной жизни? За исключением некоторых особенно сложных трюков, сцены семейной жизни – это все, что нам осталось снять. Я далек от мысли, что имею правильное представление о том, какой человек скрывался за легендарной улыбкой Демона Рамма.

– Это известно, он был смельчаком.

– Или дураком.

Рэйлан увидел ее лицо и понял, что зашел слишком далеко.

– Необходимо огромное мужество, чтобы летать так, как летал мой муж. Как смее вы допустить...

– Я считаю, у Демона Рамма было с избытком отваги, но чуть-чуть недоставало серого вещества... Хотя бы для того, чтобы повторить некоторые из своих трюков. Но это совершенно не значит, что я недооцениваю его смелость. Понятно?

Кирстен не ответила, а лишь взглянула на него с откровенной враждебностью. Рэйлан взъерошил себе волосы, искренне досадуя на то, что ему не удастся объяснить свою точку зрения, и решил попробовать еще раз.

– Мне необходимо влезть в его кожу.

– Его жизнь – незаконченная книга. В буквальном смысле. Я пришлю вам копию моей рукописи, когда она будет закончена.

Рэйлан покачал головой.

– Этого недостаточно. Мне нужно прикасаться к вещам, к которым он прикасался каждый день. Слушать музыку, которая ему нравилась. Есть его любимые блюда. Спать в комнате, в которой он спал.

– Безумие какое-то! И главное, в этом нет никакой необходимости.

Он вложил большой палец правой руки в петлю для ремня на поясе брюк и покачался с носков на пятки, с пяток на носки... И не без ехидства заметил:

– Когда девушка, играющая главную женскую роль, просила вас о том же самом, вы так не думали.

В этих его словах слышалось нечто похожее на триумф карточного игрока, который эффектно кидает на стол припасенный туз. Да, Рэйлан ждал момента, когда можно пустить в ход свой козырь: актриса, играющая в фильме саму Кирстен, провела с ней несколько дней в ее доме в Ла-Иолле.

- Это другое дело, – оправдывалась миссис Рамм.
- Почему?
- Но это же очевидно.
- Несоответствие пола?
- Хотя бы это...

Они напряженно смотрели друг другу в глаза – генералы враждебных армий. Опасно затянувшуюся паузу прервал осторожный стук в дверь.

– Войдите, – пригласила она.

– Проваливайте! – приказал он. Обе реплики прозвучали одновременно. Бросив на него взгляд, полный отвращения, который Рэйлан нашел скорее забавным, чем угрожающим, она пересекла комнату и открыла дверь.

– Ну, к чему же мы пришли? – выдавив из себя веселую улыбку, спросил агент мистера Норта.

– Я хочу поговорить с Малом наедине, – холодно ответила миссис Рамм.

Рэйлан отвесил ей шуточный поклон и вышел вместе со своим агентом. В приемной сидела секретарша, похожая на куклу Барби. Таких в Голливуде хоть пруд пруди. В модном трикотажном платье, она вертелась, как гусеница, рвущаяся из кокона, и бросала на известного актера двусмысленные взгляды. На ее предложение кофе или выпивки агент ответил отказом за двоих.

– Ну как? – спросил он, с трудом переводя дыхание.

Рэйлан пожал плечами. Интересно, имеет ли секретарша хотя бы малейшее представление о том, насколько комично выглядит ее кривлянье? Извивается так, будто у нее спина чешется. Слишком уж она старается произвести впечатление размерами своего бюста.

– Похоже, это была неплохая идея, – не унимался агент, – лично изложить ей свою просьбу, вместо того чтобы доверить все адвокату. Никто лучше тебя не уговорит женщину.

Рэйлан только фыркнул и закрыл глаза.

– Миссис Рамм способна устоять перед «крутым мужиком». У нее уже был один, как ты знаешь.

– Ну, тебе-то он и в подметки не годится.

– Спасибо, но сексуальная привлекательность – исключительно дело вкуса.

– Что ты сделаешь, если она откажет? Рэйлан сдвинул на кончик носа темные очки и взглянул поверх них на своего агента.

– Нервничаешь?

– Очень, – признался тот. – Только не вздумай послать все к черту и выйти из картины. Я еще не уладил конфликт со Стэном Кубриком, чтобы приниматься за другой.

– Я ведь плачу тебе за это деньги. И, заметь, огромные деньги, да простится мне столь дерзкое напоминание.

– Хуже дерзости – только мерзости. Извини за дурацкий каламбур. Просто ты не можешь иначе.

Тут не с чем было поспорить. Рэйлан известен как актер, который не замедлит выйти из фильма, если ему не понравится атмосфера на площадке или если окажется, что его видение роли противоречит замыслу режиссера. Целостность. Это понятие часто связывалось с его стилем работы. Из современников никто с таким яростным упорством не боролся за правдоподобность образа.

Рэйлана Норта совершенно не интересовали ни рейтинг картины в Американской кинематографической ассоциации, ни кастовость, ни что-либо еще. Не будь у него столь невероятного таланта, границы которого еще не определились, внешности, которую обожали все камеры в Голливуде, и популярности, порой даже превосходящей популярность Сталлоне или Иствуда, никто и ни за что в Голливуде не стал бы с ним связываться. Все считали Рэйлана невыносимым

типом. Тем не менее, когда речь заходила о создании действительно незаурядной картины, его имя в списке актеров всегда стояло первым.

– Прежде чем ты примешься за свои пальцы, – отозвался артист, – давай послушаем, что скажет миссис Рамм.

И Рэйлан Норт задремал. А его агент стал остервенело грызть ногти.

Наконец их пригласили вернуться в кабинет.

Она согласилась.

И теперь он нежился в волнах Тихого океана позади ее особняка. Как прекрасно после двух изнурительных месяцев съемок без единого дня передышки вдруг окунуться в соленую воду! Рэйлан лег на спину и расслабился.

Яркое небо слепило голубым сиянием, а он, как влюбленный мальчишка, думал о том, что голубизна глаз миссис Рамм ярче голубизны неба. Ее глаза блестят, как сапфиры. Но что-то в глубине их отбрасывает тень на этот блеск. Что? Он узнает причину. Непременно узнает.

Рэйлан решил изучить личность Чарльза Рамма – Демона. Но, познакомившись с его вдовой, вдруг понял, что именно она и есть ключ к тайне души Демона. Миссис Рамм интересовала Рэйлана не меньше, чем ее муж, которого талантливый актер считал одним из самых сложных и противоречивых характеров среди всех, кого ему довелось играть.

Откуда у человека такая непреодолимая жажда смерти, когда его жизнь была во всех отношениях чертовски хороша? Рэйлан дал себе слово разобраться в этом во что бы то ни стало.

Перевернувшись на живот, он поплыл назад к берегу, плавно и размеренно взмахивая руками. Вода стекала по нему, подчеркивая красоту его холеного, сильного и гибкого тела. Мелкие капли спрятались в густых волосах на груди, как бы не желая освобождаться из этого плена.

Рэйлан не спеша натянул потерявшие всякий вид джинсы. Интересно, каким взглядом встретила бы его неутешная вдова, появившись он сейчас перед Кирстен мокрый и без одежды, если даже на его рюкзак она смотрела как на безобразное чудище. Что ж, эта сцена могла бы стать прекрасной иллюстрацией ко всем тем мерзким, похотливым историям о Норте, которые можно прочесть в любой газете!

Рэйлан не любил афишировать свою личную жизнь, поэтому она стала предметом многочисленных толков: и о приверженности к наркотикам, и об увлечении религиозными культами, и о склонности к садомазохизму. Не так давно, например, была опубликована фотография, запечатлевшая его на стоянке Центра лечения от алкоголизма, куда актер заезжал навестить своего друга. Статья под фотографией утверждала, что Рэйлан Норт провел в этой дорогой лечебнице шесть недель, приходя в себя после посещения шикарного ночного клуба, где напился и учинил невесть какие безобразия.

По другим слухам, его ожидала близкая смерть от СПИДа. Многие верили в то, что он гей, а два его последних романа – с женщиной-губернатором и олимпийской чемпионкой по фигурному катанию – лишь ширма, скрывающая его действительные гомосексуальные наклонности. Говорили, что он слишком красив, чтобы быть еще и настоящим мужиком.

Однако никакие слухи не снижали его популярности как среди мужчин, так и среди женщин. Скорее наоборот. Статьи в бульварной прессе еще сильнее возбуждали любопытство публики. Артист вызывал неослабевающий интерес не только у любителей кинематографа. Почтовый ящик его агента всегда был полон приглашений от самой шикарной публики с Беверли-Хиллз. Впрочем, Норт редко куда выбирался. Поэтому, если он посещал какую-то вечеринку или светский раут, это становилось главной сенсацией года.

Рэйлан ко всему относился с предубеждением и был совершенно равнодушен к порочащим его слухам.

Голливудские тузы ценили в Рэйлане ум, талант и нежелание поступаться принципами ради барыша. Он очень осторожно отбирал сценарии и дотошно выяснял точку зрения режиссера, прежде чем ставил свое имя под контрактом. Но ему ничего не стоило и разорвать подписанный контракт при малейшем подозрении, что режиссер нарушает условия.

Рэйлану было абсолютно безразлично, что думают о нем люди за пределами кинотеатра. Этот актер хотел, чтобы тех, кто купил билет на фильм с его участием, покорял не он сам, а его искусство. Какая, черт возьми, разница, любит он женщин или мужчин или тех и других одновременно, и что он съел на завтрак, и носит ли он нижнее белье? За пять долларов он помогает провести в кинотеатре пару часов свободного времени. Все, и тем исчерпываются обязанности мистера Норта по отношению к зрителям.

Свою привлекательность Норт рассматривал лишь как подспорье в получении лучших ролей. Старость, это проклятие кинозвезд, его не страшила: у него появится возможность играть другие роли, пока для него недоступные.

Зная все это о себе лучше, чем кто-либо, Рэйлан находил странной свою обеспокоенность тем, что думает о нем Кирстен Рамм. В данном случае его внешность могла оказаться скорее недостатком, нежели преимуществом. Красота угрожала встать стеной между ними и...

«Между ними и чем?» – спрашивал он себя, поднимаясь по ступенькам к дому. Кирстен ведь не делала ничего такого, что могло быть истолковано как сигнал к сближению. Напротив, похоже, хочет как можно скорее от него избавиться.

Отдавая, себе отчет в том, с кем пытается завязать отношения, Рэйлан понимал, что должен быть очень осторожным. Ради нее, а не ради себя. Кирстен Рамм много страдала последние несколько лет. Заставить ее пережить еще одну трагедию, о которой всем тут же станет известно, – просто бесчеловечно.

Однако все благие намерения вылетели у него из головы, как только Рэйлан достиг вершины скалы и сквозь стеклянную стену увидел Кирстен. Она сидела, поджав под себя ноги, слегка наклонив голову набок и покусывая кончик красной ручки. Женщина, как ему показалось, проговаривала слова, написание которых стоило ей таких мук. По всей видимости, она уже забыла о присутствии гостя в своем доме. Это уязвило его самолюбие. Рэйланом овладело упрямое желание оторвать ее от работы.

Она вздрогнула и вскинула голову. Даже в очках Кирстен выглядела чертовски привлекательной. Очки были в тонкой черепаховой оправе, более светлые, чем ее коротко стриженные волосы. Не всякая женщина решилась бы носить такую короткую прическу, которую слегка смягчала лишь «бахрома» на затылке, на лбу и на висках. Как ни странно, но эта стрижка изящно подчеркивала юность Кирстен.

– Полотенце есть? – спросил Рэйлан с порога.

На загорелом лице расплылась наглая улыбка, с мокрых джинсов стекала вода. Еле сдерживаясь от охватившего ее бешенства, она вышла из комнаты, но уже через минуту вернулась с пляжным полотенцем.

– Спасибо. – Он вытер только лицо. – Вода отличная!

– Не очень холодная?

Неужели высокомерная миссис Рамм смотрит на его соски? Они набухли, до боли.

– Нет-нет. В самый раз. Вас не будет отвлекать, если я немного полежу около бассейна?

– Как хотите.

Она снова разговаривала снисходительно, и это невероятно разозлило бы его, не будь Рэйлан уверен, что таким образом Кирстен пытается скрыть от него нечто. Может быть, симпатию, в которой не хочет признаваться даже себе?

Он повесил полотенце на шею, наблюдая за тем, как взгляд женщины скользнул по его груди и спустился ниже. Между пупком и джинсами живот покрывала курчавая мокрая рас-

тельность. Неподдельный интерес в глазах Кирстен заставил его почувствовать, что молния на джинсах натянулась.

– Почему бы вам не прогуляться со мной? Это приглашение ошеломило ее. Недоуменно взглянув на него, Кирстен быстро, холодно ответила:

– Нет, меня ждет работа.

– А, очень жаль, – пробормотал он, изобразив на лице неудовольствие.

Она с явным раздражением закрыла дверь. Знаменитый актер не привык к тому, чтобы двери захлопывались перед его носом, и это привело Рэйлана в бешенство.

Он резко расстегнул пуговицу и молнию. Не дойдя до шезлонга, на ее глазах снял выдававшие виды мокрые джинсы и отпихнул их ногой. Затем расстелил полотенце на шезлонге и лег на живот. Он постарался не морщиться, когда всем своим весом придавил не желавшее сдаваться мужское естество, с невинностью ребенка положил руки под щеку и закрыл глаза... но не раньше чем увидел за стеклом ее лицо.

Глава 2

Он не заметил, как заснул, и понял это, только когда начал просыпаться. Двигаться не хотелось. Легкий ветерок с океана, подобно нежным женским пальцам, ласкал и вздыхал над его обнаженным телом. Приятно чувствовать, как лучи солнца проникали под кожу и горячили кровь. Хотя, видит Бог, некоторые части его тела были горячее, чем солнце. С тех пор как он увидел Кирстен Рамм, низ его живота непрерывно жгло. Но этой женщине он не нравился.

Необходимо было проглотить эту горькую пилюлю, принять это как непреложный факт. А может быть, она испытывала к нему симпатию, но до сих пор переживала смерть своего мужа?

Ни тот ни другой вариант не радовал Норта. Рэйлан несколько раз отжался. Доска на вышке была упругой; он оттолкнулся и сделал красивый прыжок. Проплыв до конца бассейна, вылез из воды по хромированной лестнице, поднял полотенце и обмотал его вокруг пояса. Дернув раздвижную дверь-панель, он приятно удивился, увидев Кирстен склоненной над письменным столом.

– Все работаете?

– Угу, – ответила она, не поднимая глаз. Гость вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Кирстен даже не взглянула на него. Это было обидно, но вскоре Рэйлан догадался, в чем причина: думает, что на нем до сих пор ничего нет? Улыбка заиграла на его лице, и хорошо, что миссис Рамм не видела этой улыбки.

– Вам нравится писать книгу? – спросил он как можно дружелюбнее.

– Временами.

– А не тяжело описывать вашу жизнь с Раммом?

– Некоторые ее моменты – да.

– Какие?

Кирстен резко вскинула голову и посмотрела на него.

– Не хотите ли пройти в свою комнату? – Она бросила на стол красную ручку.

«Ничего себе поединочек в середине дня!» – подумал Рэйлан. Проскользнув мимо, Кирстен отошла к окну и, ожидая, пока он подберет ботинки, носки и рюкзак, переминалась с ноги на ногу, всем своим видом олицетворяя нетерпение.

– Я оставил джинсы на террасе, чтобы просохли, – объяснил Рэйлан.

– Элис стирает их для вас и высушит, когда вернется.

– Экономка?

– Да.

– А она всегда здесь жила? Я имею в виду, когда Рамм был еще...

– Да, а что?

– Просто я хочу, чтобы в доме все было точно так же, как при Рамме, когда вы жили здесь вдвоем. – Словно послушный щенок, Норт плелся следом за ней. – То есть все, кроме постели.

Кирстен застыла на месте, и Рэйлан едва не налетел на нее.

– Что вы имеете в виду? Удивленный столь молниеносной реакцией, он несколько мгновений изучал ее лицо.

– Я имел в виду, что постели у нас будут разные... разве нет?

Великолепное чувство ритма было одним из достоинств, которое делало его выдающимся актером. Знатки высоко ценили талант Рэйлана вести диалог. Эта последняя фраза была построена великолепно: вопросу, которым она заканчивалась, предшествовала точно рассчитанная пауза, короткая, но эффектная, Рэйлан хотел лишь слегка ее поддразнить, но вдруг понял, что всерьез ожидает ответа. Желание разделить с ней постель было спрятано в самом отдаленном уголке его сознания; теперь же, вырвавшись из своего заточения, оно заявило о

себе этому здоровому красивому, мужчине со всей откровенностью, подобно бутону, беззащитно распустившему слишком яркие лепестки. Он хотел эту женщину.

– Мистер Норт, вероятно, некоторые девушки приветствовали бы это ваше последнее замечание, но только не я. Мне вовсе не льстит приглашение переспать с вами.

Его бровь изогнулась.

– Я не приглашал вас спать со мной. Если бы я и захотел просить вас об этом, то уж никак не в такой завуалированной форме. Я бы прямо спросил.

Она задохнулась от гнева, но сдержалась и выдавила из себя:

– Не утруждайтесь.

Она шла впереди, ведя его по переходам этого просторного особняка. Рэйлан шел следом, не имея более ни малейшей охоты дразнить Кирстен, и только отпускал замечания о том; как ему нравится дом.

– Спасибо, – отвечала она. – Это первое, что привлекло мое внимание, когда мы начали подыскивать жилье. Я думаю, Чарли хотел нечто более традиционное, но я его уговорила.

Теперь Рэйлан понял, почему ему так понравился этот дом. Здесь не было нагромождения мебели, ковров, декоративных панелей и всего того, что лишило бы дом прелести, заключавшейся в нем самом, с его белыми внутренними стенами, высоким потолком, не скрывавшим стропил, выложенным плиткой полом. Ничто не отвлекало взор от потрясающего вида на океан за стеклянными стенами.

– У вас всегда все получается так, как вы хотите?

Она остановилась, чтобы пропустить Рэйлана в спальню для гостей. Ее взгляд ускользнул от него, когда Кирстен ответила:

– Нет, не всегда.

– Может быть, покупка этого дома, была компенсацией за проигранный вами спор?

Вместо ответа она указала на зеркальные дверцы стенного шкафа.

– Там есть туалетный столик. Вы можете распаковать свои вещи сами или доверить Элис. Это ванная. – Она указала на смежную, дверь; за выдвижной дверцей одного из отделений встроенного книжного шкафа скрывался бар с небольшим холодильником, в котором стояли запотевшие бутылки. – Я думаю, вы найдете здесь все, что нужно. Если нет, скажите мне или Элис.

– Почему у меня такое чувство, будто мама отправляет меня в лагерь на все лето: «Не забыл зубную щетку? Взял запасное полотенце? Ну скажи мамочке „до свидания“».

Кирстен пропустила эту реплику мимо ушей и продолжила:

– Мэл сказал, что вы хотели посмотреть фотоальбомы Чарли. Я приготовила их для вас в кабинете, дверь в конце холла. Теперь извините...

Черт побери, с него хватит! Он мог придумать тысячу разных занятий для ее язычка, из которых снабжение его ценными указаниями было бы последним. Размышлять о том, что бы он поставил в начале этого списка, было рискованно, поскольку его естество до сих пор скрывалось лишь под одним тоненьким полотенцем. Тем не менее Рэйлан пересек комнату тремя гигантскими шагами и остановился прямо перед ней.

– Чем я вам не нравлюсь?

Такая стремительность застала ее врасплох. Не поднимая глаз, которые находились на уровне его груди, Кирстен сказала:

– Вы мне нравитесь. – И сделала шаг назад.

– Странный способ выбран, чтобы показать мне это.

– Вы не можете упрекнуть меня в негостеприимстве. – Под его напором Кирстен отступила еще на шаг.

– Если я захочу насладиться гостеприимством, то отправлюсь в свой бар.

Рэйлан почти прижал ее к стеклянной стене, за которой открывался вид на океан. На мгновение их тела соприкоснулись, и это подействовало на него как удар молнии. Норт понял две вещи: во-первых, на ней не было лифчика; во-вторых, она очень не любила не только когда ее дразнят, но и когда ее припирают к стене.

– Чего вы от меня хотите, мистер Норт?

Знай Кирстен, насколько пространного ответа требовал этот вопрос, она бы его не задала. Рэйлан не мог ответить ей искренне, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову:

– Я хочу, чтобы вы называли меня по имени.

– Я так и называю.

– Вы зовете меня мистер Норт, а мое имя Рэйлан.

– Это ваше настоящее имя?

– Нет, но оно меня устраивает. Она отвернулась, чтобы взглянуть на пышные заросли цветущей герани, посаженной по всему краю площадки, спускающейся к океану.

– Хорошо, а вы зовите меня Кирстен.

– Спасибо. Скажите, почему вы на меня не смотрите?

– Простите?

– Думаю, вы меня поняли.

– Я смотрю, Рэйлан.

– Да, иногда выглядите сквозь меня, но ни разу не посмотрели мне в лицо.

– Я вам не какая-нибудь простодушная поклонница.

– На это я не рассчитываю.

И тут Кирстен на него посмотрела. Рэйлан почувствовал, что тонет в голубизне ее серьезных глаз.

– Знаменитости не внушают мне благоговейного трепета, – добавила она. – Я была замужем за знаменитостью. Он был обычным человеком, как и вы.

«Он был человеком, все верно», – думал Рэйлан, а все его тело дрожало от желания, главного и самого сильного желания мужчин.

Он хотел прижать ее прохладные белые одежды к своей нагретой солнцем коже, обхватить руками ее бедра и прижать к той своей части, которая приподнимала полотенце, несмотря на его попытки успокоиться.

– Вас раздражает мое присутствие здесь, не так ли?

– Да, – не смутившись, ответила она.

– Почему же вы позволили мне приехать?

– Мэл надавил на меня.

– Ваш адвокат? – Рэйлан хмыкнул. – Я видел его всего один раз, но то, что он от вас без ума, очевидно. Да этот мужчина выпрыгнет с двадцатого этажа своего офиса, если вы попросите.

– Я прислушиваюсь к нему, Мэл посоветовал пригласить вас.

– Под угрозой, что я выйду из картины?

– Вы допускаете, что такая возможность существовала?

– Я уже делал так.

– Ну вот, а я не хотела быть ответственной; если бы такое произошло и на этот раз. Я хочу, чтобы фильм был как можно скорее закончен.

– Понимаю. Это ваша жертва ради фильма.

– Да. Я буду с вами сотрудничать, чтобы вы побыстрее получили то, что хотите, и поскорее уехали, но не думайте, что я буду вас развлекать.

Кирстен снова разговаривала с Рэйланом, не скрывая своего превосходства, которое, как стальной резец, ранило его самолюбие. Нужно сбить с нее эту спесь, но как? Миссис Рамм не любит, когда с ней заигрывают; честный и прямой, подход тоже не приносит успеха. Может

быть, эпатаж? Рэйлан решил дать ей возможность выговориться, перед тем как неожиданно выбить почву у нее из-под ног.

– И на мой взгляд, – надменно заключила миссис Рамм, – единственно правильный стиль поведения в столь нелепой ситуации – это держаться в строго профессиональных рамках.

– Вот так вы, значит, все это себе представляете? Тогда у меня есть одно предложение.

– Слушаю.

– Возьмите за правило носить бюстгальтер.

– Вы!.. Вы!..

– Потому что мне трудно думать о вас, оставаясь в строго профессиональных рамках, когда я вижу ваши соски под рубашкой.

Так далеко он позволил себе зайти, решив во что бы то ни стало показать, как он обходится со стервами. И еще он хотел дать выход порыву, который терзал его с самого полудня. Костяшками пальцев Рэйлан провел по маленьким, отчетливо выделявшимся бугоркам на ее грудях.

Реакция Кирстен поразила своей неистовостью. Она с силой ударила его по рукам и отскочила, сжав кулаки.

– Никогда больше не делайте ничего подобного.

– Вам не понравилось?

– Разумеется, нет.

Рэйлан не отводил взгляд от ее груди. Соски стали твердыми и соблазнительно темнели двумя пятнышками под белой мягкой материей.

– Разумеется, – повторила она вдруг охрипшим голосом.

Кирстен вылетела вон из комнаты, но беззвучность ее шагов лишила решительный уход грозного эффекта. Этот недостаток восполнил грохот захлопнувшейся двери.

– Как долго уже отдыхает миссис Кирстен?

– Когда я вернулась, она была в своей комнате и шторы на окнах были задернуты, – ответила экономка.

– Может, вам следовало бы сходить к ней?

– Я заставила ее выпить две таблетки от головной боли и... – Элис посмотрела на него с упреком.

– Болела голова?

– Так она сказала. Я сделала ей холодный компресс на лоб и запретила вставать до обеда. – Разволновавшись, Элис размахивала морковкой прямо перед его носом. – И все из-за того, что она слишком много работает над книгой.

Рэйлан не стал бы так категорично настаивать на том, что причина недомогания хозяйки кроется лишь в чрезмерном усердии. Не утомление и не головные боли заставили Кирстен уединиться в своей комнате, а он или, вернее, то, что он сделал.

«Как же я мог распуститься до того, что прикоснулся к ней?» – спрашивал Рэйлан себя, ведь он был не из тех, – кто при каждом удобном случае хватает женщин за задницу. Грязные домогательства были ему отвратительны, вызывая стыд и жалость при мысли о тех женщинах, которым пришлось испытать это на себе.

Так что же заставило его дотронуться до этой женщины? Конечно, все вместе: профессиональный интерес, сексуальное желание, эмоциональное напряжение... Рэйлана непреодолимо влекло к ней. И все-таки он должен был сдержаться. Ее гнев не пугал – с этим он справится. Но что было совсем непонятно и мучило его, так это страх, который он увидел в глубине голубых глаз. Не этот ли страх заставил ее до боли закусить нижнюю губу? А может быть, отвращение? Или... его ласка? Или... мгновенная реакция ее собственного тела?

Ни черта не разберешь! Разгадка витала где-то очень близко, но ему так и не удалось ухватить ее ни во время душа, ни в кабинете, пока он просматривал личные вещи Демона Рамма.

Там его и застала Элис. Надеясь выведать что-нибудь о Кирстен, он прошел за экономкой на кухню и принялся болтать, пока она готовила ужин. Как и ее хозяйка, Элис была не в восторге от его присутствия, но джинсы, брошенные Рэйланом на террасе, подобрала и выстирала. Ее деловитость и начальственные интонации в разговоре очаровали его.

Когда речь заходила о хозяевах, Элис была словоохотлива, но не теряла бдительности. Если и было что скрывать, то на нее можно было положиться. Будучи страстной поклонницей кино, экономка расспрашивала Рэйлана о своей любимой актрисе, с которой ему довелось поработать. И пока Элис натирала сыр, Рэйлан наскоро придумал смешную историю об этой актрисе.

– Итак, она идет к постели, как мы и решили. Я стою к ней спиной, вот так. Снимаю рубашку...

– О, я помню эту замечательную любовную сцену.

– Спасибо. В конце концов она таки получилась. Но в том дубле не успел я снять рубашку, как слышу за спиной леденящий душу вопль. Думаю: «Боже, наверное, у меня проказа!» Но оказывается, ребята из съемочной группы решили похохмить: спрятать под пологом монстра из фильма ужасов. А...

– Нет! – простонала Элис.

– Да. Только актриса отдернула занавеску, как сразу увидела это рогатое страшилище во всей красе.

– И что же она сделала? – Элис была вся внимание.

– Сразу после вопля – ничего. Только посмеялась их шутке. Но на следующий день она им отомстила.

– Как? – хихикая, словно дитя, спросила Элис.

Рэйлан кинул себе в рот оливку и с удовольствием посасывал ее в продолжение всего рассказа.

– Она поднялась очень рано, пока все еще спали, и велела своим детям, которые были с ней на съемке, собрать обувь всей съемочной группы. К завтраку у нее была целая куча кроссовок и ботинок, шнурки которых были перевязаны между собой. Вы никогда не пробовали разбирать кучу из сорока пар обуви да еще не опоздать на площадку, где вас ждет тиран-режиссер?

– Ну мог ли кто-нибудь подумать, что она способна на такое ребячество! Она всегда так элегантна. – Элис посмотрела куда-то через его плечо и улыбнулась. – Ой, кто идет! Как голова?

Рэйлан оглянулся и увидел в дверях Кирстен, по-прежнему старающуюся не глядеть на него. – Спасибо, уже лучше. И у него снова захватило дух. Жаркий полдень сменился волшебным вечером. Ее стройная фигура изящным силуэтом вырисовывалась на солнечной вуали. Верх платья крест-накрест охватывал спереди грудь, сходясь в узел на шее и оставляя спину открытой. Немыслимо носить бюстгальтер с таким платьем. Было очевидно, что она нарочно выбрала именно такой наряд, и Рэйлан даже захотел выразить восхищение ее находчивостью, но, взглянув на Кирстен повнимательнее, прикусил язык и вежливо заметил:

– Красивое платье, Кирстен.

Она продолжала смотреть сквозь него, и Рэйлан понял, что ей не по душе его вечерний наряд.

Джинсы были чистыми, но это не спасало. С белой футболки зияла разверстая пасть спилберговской акулы, которая от бесчисленных стирок приобрела тусклый, неопределенный оттенок. На ногах были кеды, вид которых вызывал жалость. Рэйлан уже давно стал одеваться так, как ему удобно. Он не имел ничего против фрака, если того требовали обстоятельства, но его повседневная одежда выглядела чуть ли не неряшливо.

– Я хочу посидеть на террасе, пока Элис накроет на стол. Вы не присоединитесь ко мне? – предложила Кирстен.

Он знал, что это приглашение сделано из вежливости, но согласился.

Они вышли на террасу с баром в углу и с решетчатым полом, под которым были видны бассейн и часть океана.

– Я буду коктейль с белым вином, – сказала Кирстен.

– А мне просто сок с содовой. – Рэйлан прочел удивление в ее глазах, но промолчал. – Красивое место. Может быть, подыщу себе здесь домик.

– Я думала, у вас уже есть один в Майами.

– Если верить бульварной прессе, то у меня и там дом, и еще ранчо в Аризоне, и еще... черт его знает... юрта на Аляске.

– А на самом деле?

– Квартира, в которой одна спальня. Рядом с Сансет-бульвар.

Такое саморазоблачение явно обескуражило ее и заинтересовало.

– Почему же так?

Пожав плечами, он опустил на низкие перила террасы, где сидела Кирстен. Но в отличие от нее оседлал перила, широко расставив ноги и повернувшись к ней лицом.

– Это все, что мне нужно. – Рэйлана рассмешило недоверчивое выражение ее лица. – Только не говорите, что вы верите всей этой чепухе насчет шкур леопарда, зеркальных потолков и индейских языческих скульптур.

– Я думала, это были шкуры зебры и египетские саркофаги, полные кокаина.

Он подумал о том, как чудесно Кирстен смеется. Просто слышать этот смех – уже наслаждение, но еще более радостно видеть, что ее обида проходит. Она опустила взгляд на свой бокал, по ободку которого водила указательным пальцем.

– Уверю вас, Кирстен, что в моей квартире нет ни одной шкуры. И вообще ничего подобного.

– Я вас не спрашивала об этом.

– Нет, спросили. – Он говорил тихо, и его слова сливались с шепотом ни на секунду не затихающего бриза. – Спросили глазами. Кстати, а где ваши очки?

Интонации их разговора постепенно приобретали оттенок доверительности. Кирстен слегка откинулась назад и заговорила неестественно громко:

– Я надеваю их только когда работаю, чтобы не перенапрягать зрение.

Рэйлан внимательно всмотрелся в ее глаза, как будто пытаясь разглядеть признаки напряжения или усталости. Она встретила его взгляд с прежним настороженным вниманием. После затянувшейся паузы Кирстен встала.

– Налить вам еще?

– Пожалуй.

Она наполнила бокалы, и Рэйлан отметил, что на этот раз в ее коктейле было больше вина. Он соскочил с перил и потрогал красные гибискусы. Раскачиваясь на ветру, цветы напыминали кардиналов, которые трясут головами, приветствуя папу. Его палец скользнул внутрь одного из цветков. Это был невольный и совершенно невинный жест, но Рэйлана мгновенно обдало горячей волной желаний. Эротические фантазии, навеянные телом Кирстен, роились в его голове, заслоняя все другие мысли.

Рэйлан виновато посмотрел на нее и увидел, что Кирстен наблюдает за его рукой. Их взгляды встретились. Щеки Кирстен загорелись румянцем. В этот момент Рэйлан был абсолютно уверен в том, что их мысли текут в одном направлении.

Однако он был не настолько глуп, чтобы тотчас же воспользоваться ситуацией, и заговорил о другом. Показывая на закрытую дверь, он спросил, что там.

– Сауна.

– Здорово!

– Можете пользоваться когда захотите. Ее никогда не выключают.

Они заняли прежние места на перилах. Его колено случайно коснулось ее колена. Она не убрала ноги. Он тоже. Ему было чертовски трудно открыто смотреть на нее. Гораздо легче украдкой, поверх стакана, потягивая содовую.

– Если вы не хотите, чтобы я читал ваши мысли, лучше все время носите очки, – наконец заметил он. – У вас слишком выразительные глаза.

– О чем я сейчас думаю? – спросила она, проверяя его.

– Обо мне. Вы хотите знать, что правда, а что выдумка.

– Это меня не касается.

– Я живу в вашем доме, и это вас касается. Вы не беспокоитесь, что после ужина я вдруг достану из кармана пакетик кокаина?

Она резко наклонила голову, молчанием подтверждая его предположение.

– Я не принимаю наркотиков, Кирстен. И никогда не принимал, за исключением нескольких раз на пьяных вечеринках еще в студенческие годы.

Она пыталась отыскать в его глазах и словах признаки лицемерия.

– Правда?

Он молча кивнул.

– А вы?

– Нет!

– Ну, тогда нам не о чем беспокоиться. – Он пригубил свой бокал содовой. – Я также не алкоголик, который завязал и пытается удержаться.

– Вы пьете чистую содовую.

– Это потому, что я сегодня днем вставил капсулу в нос, – у меня неприятности с носовой перегородкой.

Несмотря на его попытку пошутить, Кирстен оставалась серьезной.

– Я читала другое. Про ваш алкоголизм.

– Лживые статьи.

– Вы их никогда не опровергали.

– Опровергать их значило бы придавать им значение. И потом, у меня есть дела поинтересней.

– Да, о них я тоже читала, – заметила она, слегка улыбнувшись.

– Любовные похождения? Хотите знать о моей интимной жизни?

– Нет.

– Это имеет значение?

– Нет, до тех пор пока... пока...

– Пока я не собираюсь предпринять чего-нибудь, пользуясь вашим гостеприимством.

– Я не думаю, что вы так поступите.

– Спасибо за доверие. – Рэйлан саркастически усмехнулся.

– Как же вы хотите, чтобы люди о вас думали? – вспыхнула она. – Вы не даете интервью. Раз все это ложные подозрения, вы могли бы легко их развеять, если бы не были таким скрытным.

– Но меня эти слухи не волнуют. В отличие, например, от вас.

– Как вы можете спокойно относиться к тому, что люди думают о вас всякие пакости?

– Это издержки моей работы.

– Все же...

Прежде чем осознать, что делает, Рэйлан взял ее за руку.

– Поймите, если бы я задался целью и опроверг все существующие на данный момент слухи, к следующему утру появились бы новые. Это отнимало бы кучу времени и сил, и все без толку, как если ходить за сопливым ребенком и непрестанно вытирать ему нос.

Кирстен рассмеялась, услышав такое сравнение, и он добавил с улыбкой:

– До тех пор пока люди, которых я люблю, находятся в безопасности, я не позволяю газетным слухам беспокоить меня.

По ее лицу пробежала невидимая тень, приглушив искреннюю улыбку.

– Ага, – сказал он, – я вижу, что вы все еще озабочены подробностями моей интимной жизни. Если вас интересуют мои сексуальные предпочтения, почему бы просто не спросить?

Она высвободила свою руку из его ладоней и если не физически, то мысленно отстранилась от него.

– Как я уже говорила – это не мое дело. Он глубоко вздохнул и постарался объяснить:

– В моей жизни были мужчины, которых я любил. – (Кирстен быстро подняла на него глаза). – Родственники. Несколько дорогих сердцу друзей. Но у меня никогда не было мужчины-любownika.

Каким-то непонятным образом ее локоть оказался в его руке. Большим пальцем он нежно поглаживал его внутреннюю поверхность. Он знал, что эта ласка, его убаюкивающий голос и неотрывный взгляд действуют гипнотически.

– Будь я гей, неужели бы меня так проняло, когда я сегодня днем коснулся вашей груди.

Бокал выскользнул из ее рук и, разбился вдребезги. В этот момент экономка с порога позвала ужинать.

Элис первая отреагировала на происшедшее, хотя на какое-то мгновение все трое оцепнели в напряженной тишине. Экономка рванулась вперед, минуя лужу, усеянную кусочками льда и осколками.

– Кирстен, прости, – воскликнула Элис. – Я просто хотела позвать вас на ужин. Я не думала, что напугаю тебя.

Рэйлан обнял Кирстен за талию и поддерживал до тех пор, пока едва заметным движением она не дала понять, что помощь уже не является необходимой... и желательной.

– Я сама виновата, Элис, – сказала она дрожащим голосом. – Бокал был влажный, и я просто... не удержала его. Все готово?

– Да. Все на столе. Вы оба идите в дом, а я тут приберу.

Рэйлан подумал, что ужинать в этой расположенной на уступе скалы столовой, три стены которой были стеклянными, все равно что висеть над пропастью в аквариуме. Мебели почти не было, за исключением нескольких стульев и стола со стеклянной крышкой. Ножками ему служили две медные головы оводов, рога которых, закрученные назад, упирались в пол. Свечи в хрустальных канделябрах распространяли аромат жасмина. Центр стола украшала крошечная ваза с тремя стебельками ландышей. Все было просто и элегантно.

– Дизайн гениальный, – сказал Рэйлан, подвигая стул Кирстен.

– Это я сделала.

– Мне нравится ваш вкус.

Бросив на него пронизательный взгляд, хозяйка, видимо, пришла к заключению, что в его словах не было никакого подтекста, и с чопорным видом села на свой стул.

– Спасибо.

Она разложила по тарелкам салат, наполнила бокалы водой со льдом, сложила на коленях салфетку, подала корзиночку с хрустящими ломтиками маисовой лепешки и только после этого принялась за еду. Он наблюдал за Кирстен, чувствуя, что точность ее жестов свидетельствует о внутреннем напряжении.

– Вы, кажется, расстроены, нет?

– Да, я расстроена, – в ярости прошептала она, слыша, как Элис беспечно напевает на кухне. – Мне не нравится, как вы со мной говорите.

– Как я говорю? Вы имеете в виду то, что я упомянул о...

Она взмахнула руками.

– Не повторяйте этого больше. Я не давала вам повода говорить... думать... так обо мне.

– Нет, – сказал он тихо и опустил вилку на тарелку, – не давали.

– Так почему же вы позволяете себе это? Несколько бесконечных мгновений Рэйлан смотрел на нее, вертя в пальцах стакан, и наконец сказал правду:

– Меня влечет к вам, Кирстен. Она судорожно сглотнула, но на лице ее не дрогнул ни один мускул. Даже глазом не моргнула. И ответила жестко:

– Не разыгрывайте передо мной спектакль.

– Я не разыгрываю, Кирстен.

Рэйлан мог поручиться, что сначала женщина была уверена в его притворстве, но чем дольше они смотрели друг на друга, тем быстрее таяли подозрения. Это было заметно по смущению в ее глазах и по тому, как судорожно она облизала губы и совершенно не к месту напомнила:

– Мы занимаемся делом.

Рэйлан приободрился, услышав нарочитую резкость в голосе Кирстен.

– Правильно. Но мое влечение к вам не имеет к этому делу никакого отношения.

– Вы не должны испытывать ко мне влечения.

– Я не знал, что так будет.

– Вот и не надо.

Он взял ее маленькую руку в свою большую горячую ладонь.

– Боюсь, Кирстен, что в данном случае я не волен хотеть или не хотеть этого.

– Вам придется. – Она высвободила руку. – Или держите свои чувства при себе. В любом случае вам это не принесет ничего хорошего.

– Вы говорите «нет» еще до того, как я сказал свое слово.

– Потому что я любила мужа. Он отодвинул тарелку с почти не тронутой едой и, опираясь на локти, наклонился вперед:

– Ваш муж уже два года мертв. А я дотронулся до вас сегодня.

– Чего вам не следовало делать.

– Возможно. Но так уж вышло. – Рэйлан придвинулся к ней еще ближе. – Поверьте, Кирстен, вы живой человек. И даже если ваша голова отказывается от новой любви, то ваше тело не хочет отказываться.

– Мне не нужна новая любовь. Ни с вами, ни с кем бы то ни было.

– Вы это очень уверенно сказали. Почему? Потому что вы любили своего мужа?

– Да.

– Хорошо, я поверил. На время. Но скажите, какое такое особенное нечто было в ваших отношениях с мужем, что мешает вам теперь любить других мужчин? Что это значило – любить Чарльза Рамма, Демона?

Глава 3

– Прочтите мою книгу.

– Я прочитал. По крайней мере те главы, которые были предоставлены сценаристу. – Он понизил голос. – Книга рекламировалась как очень откровенная. Но я так не думаю. Вы не коснулись некоторых сторон ваших отношений с мужем.

Кирстен сняла с колен салфетку и бросила ее на стеклянный стол.

– Вы закончили?

– Эту тему? Нет.

– Ужин.

– Ужин – да.

Кирстен привела его из столовой в просторную комнату. Элис уже разожгла камин с медной решеткой в виде веера. Поскольку дом располагался очень близко от океана, вечерами заметно холодало, и камин здесь был просто необходим. К тому же он прекрасно вписывался в эту современную и очень уютную комнату. Огненные блики весело плясали на плиточном полу.

Но для Кирстен огонь был скорее необходимостью, нежели модным украшением. Она придвинулась к камину поближе, будто сильно замерзла. Забившись в угол дивана, подобрав под себя ноги и прижимая к груди пеструю, расписанную батиком подушку, она неотрывно смотрела на мерцающее пламя.

С обычным для него пренебрежением к правилам приличия Рэйлан опустился на коврик перед диваном. Опираясь на локоть, он лежал на боку и глядел на Кирстен, пока его взгляд не стал таким же теплым, как огонь.

– Не смотрите на меня так, – сказала она сердито.

– Как?

– Как будто ждете, что сейчас я открою вам страшную правду.

– А разве есть «страшная правда»?

– Нет.

– Тогда почему вы становитесь такой раздражительной, когда мы касаемся этой темы?

– Когда вы касаетесь этой темы.

– Я хочу знать, какие отношения были между вами и вашим мужем.

– Прекрасные отношения. И попробуйте допустить, что мне не нравится, когда лезут в мою личную жизнь.

Он согнул одну ногу в колене и, покачивая ею из стороны в сторону, по-прежнему не отводил глаз от Кирстен.

– Мне кажется очень странным, что вы сейчас заговорили об этом. Если вы не хотите, чтобы люди знали о вашей жизни с Раммом, почему же решили написать книгу? Нет ли здесь противоречия?

Она тяжело вздохнула, прикрываясь цветной подушкой, словно щитом.

– Иногда я очень жалею об этой затее.

– Тогда зачем вы взялись за книгу, Кирстен? Из-за денег?

Она презрительно посмотрела на Рэйлана и отбросила подушку.

– Конечно же, нет!

– Рад слышать. Я бы огорчился. Тогда почему?

– Хотела увековечить образ Чарли.

– Ну и каким вы его видите? – Рэйлан сел по-турецки, лицом к дивану.

– Таким, как все. Стопроцентным американцем. Сильным. Смелым. Порядочным. Он бы настоящим героем для молодежи.

– Господи, Кирстен, вы что, цитируете листовки, пропагандирующие здоровый образ жизни, или рекламные ролики против наркотиков, пьянства за рулем и тому подобного?

– Да. – Она нахмурилась.

Норт знал, что ей не понравится следующий вопрос, но не мог не задать его:

– А бывало такое, что Рамм проповедовал одно, а поступал по-другому?

Она прищурилась, в глазах ее мелькнули злые огоньки.

– Нет. Он всегда оставался верен своему образу принципиально честного человека.

– Ладно, не сердитесь. Просто у меня не проходит ощущение, что вы взвалили на себя крест защищать безупречную репутацию мужа.

– Его репутация не нуждается в защите.

– Не забывайте, что не все так думают. Многие считали, будто он провоцировал людей на безрассудство. Невероятные трюки в воздухе выходили у него настолько легко и просто, что вызывали у неопытных пилотов-любителей желание сделать то же самое.

Кирстен, не соглашаясь, покачала головой. – В каждом интервью Рамм акцентировал внимание на огромном риске для тех, кто занимается высшим пилотажем. Точный расчет и осторожность были его пунктиком.

– Но ваш муж воспевал скорость. Это все равно что просить подростка не гонять слишком быстро, протягивая ему ключи от семейной «ВОЛЬВО».

– Скорость и сила притяжения были тем, что Чарли преодолевал всю жизнь. Он хотел, чтоб все с пеленок знали: любые препятствия, какими бы сложными они ни казались, можно одолеть, потратив на это достаточно сил и времени. Он был примером целеустремленности, олицетворением доброй старой американской добродетели – трудолюбия и упорства. И совершенно не правильно думать, будто он демонстрировал уроки безответственности и беспечности. В отличие от некоторых современных кумиров молодежи Чарли, я думаю, оказывал положительное влияние. Я хочу, чтобы люди помнили это и... и...

–..и тот несчастный случай.

Эти слова, сказанные им так мягко, зловеще повисли в воздухе. Кирстен низко опустила голову, ее подбородок почти касался груди.

– Да.

Рэйлан кинулся к ящику с дровами и подкинул поленья в огонь. Поставив каминную решетку на место, он отряхнул руки и снова сел у дивана. На этот раз прислонился к дивану спиной. Его плечо оказалось рядом с коленями Кирстен...

– Итак, вы хотели увековечить легенду о Демоне... – начал он фразу, но, не закончив, спросил о другом:

– Кстати, мы как-то заспорили на съемках: кто из спортивных комментаторов придумал ему это прозвище?

Кирстен рассмеялась:

– После того как он стал знаменитым, многие оспаривали эту честь. В действительности никто не знает наверняка. Кто-то когда-то сказал, что в его бесстрашии есть что-то демоническое, дьявольское.

– Значит, какой-то остряк отбросил все лишнее, присоединил к сравнению вашу фамилию, и – вуаля! – вышло неплохо.

Она кивнула.

– Ну хорошо. О чем я говорил до этого? Ах да. Что побудило вас взяться за книгу?

– Я уже сказала.

– Вы объяснили, почему сделали это для него: чтобы прославить его героизм. А вам зачем нужна эта книга?

Рэйлан пожалел, что заставил ее углубиться в прошлое. Ах, если бы статьи, фотографии и кинохроника могли приоткрыть тайну бесстрашной души Демона, то не пришлось бы так мучить его вдову.

Но интуиция артиста, артиста от Бога, которая для многих продюсеров, сценаристов и режиссеров была стихийным бедствием, подсказывала ему, что только Кирстен может дать ответ на загадку, скрывавшуюся за обворожительной улыбкой ее покойного мужа. Рэйлан продолжит свое расследование, даже если для Кирстен это будет очень тяжело. Он проходил и через более сложные испытания, прежде чем докапывался до самой сути в характере своего персонажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.